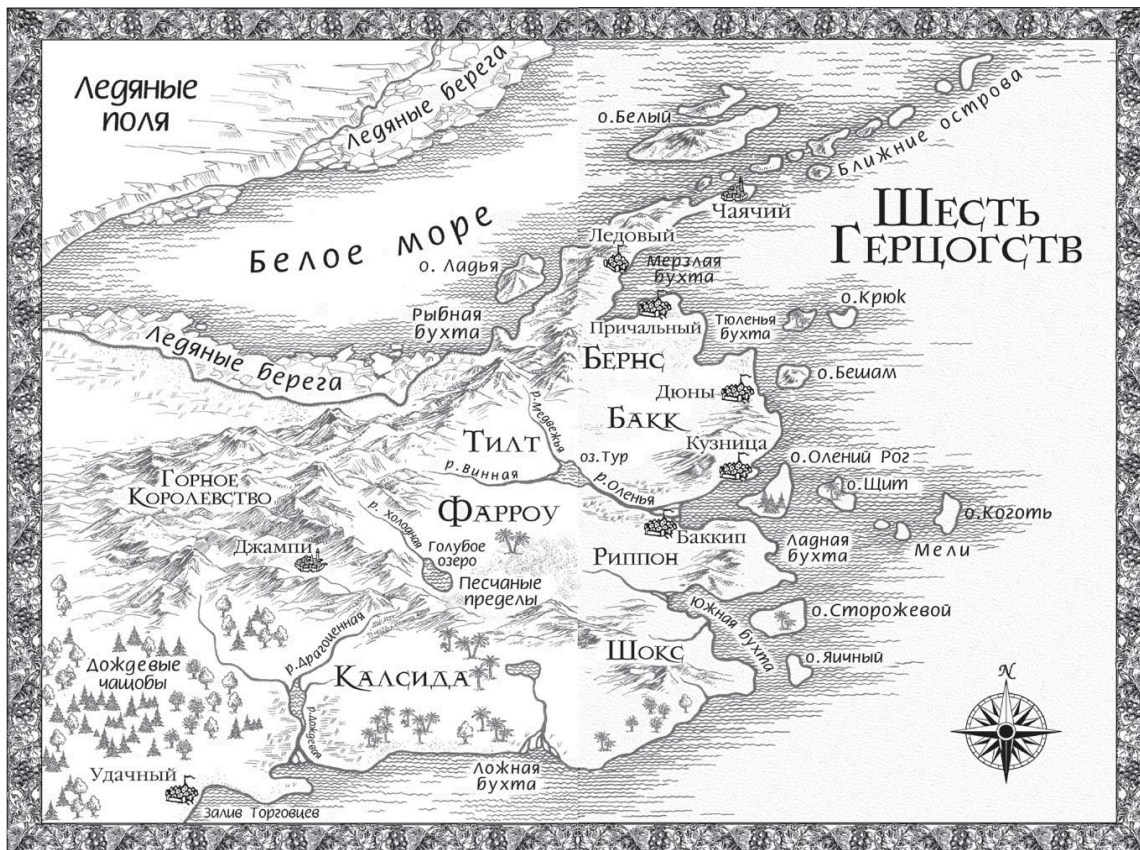

*Редьярду – по-прежнему самому дорогому
спустя столько лет*

Глава 1. Канун Зимнего праздника в Оленьем замке

Я в теплом и безопасном логове, с двумя другими волчатами. Оба они бодрее и сильнее меня. Я появился на свет последним, самый маленький щенок в помете. Глаза мои открылись позже, и к приключениям я склонен меньше, чем брат и сестра. Они уже не раз увязывались за нашей матерью к выходу из логова, скрытому под нависающим речным берегом. Рычанием и шлепками она всегда заставляла их отступить. На охоту она ходит одна, оставляя нас в логове. Обычно волчице-матери помогает один из молодых самцов. Но наша мать – последняя из стаи, поэтому охотится в одиночку, а мы должны оставаться в логове.

И вот наступает день, когда она встает, стряхнув нас, хотя мы еще не насытились ее молоком. Она уходит на охоту, едва на вечернем небе появляются первые звезды. Вскоре до нас доносится ее короткое поскуливание. И больше ничего.

Моего брата, самого крупного в помете, переполняют одновременно страх и любопытство. Брат громко плачет – зовет мать-волчицу. Она не отвечает. Тогда он осторожно подбирается к выходу, сестра крадется за ним. Но мгновение спустя они в страхе бросаются обратно и сжимаются в комочек рядом со мной. Снаружи, от устья нашей норы, доносятся запахи, и эти запахи нам не нравятся. Пахнет кровью и незнакомыми нам существами. Мы жмемса, поскуливая, а запах крови становится сильнее. Все, что мы можем, – забиться в самую глубину норы. Это мы и делаем.

Мы слышим шум. Кто-то раскапывает вход в логово и делает это не лапами. Слово огромный зуб вгрызается в землю: вонзается в нее, как в плоть, и тянет, вонзается и тянет. Мы еще сильнее забиваемся в угол, шерсть на загривке брата становится дыбом. Звуки говорят нам, что чужак снаружи не один. Запах крови сгущается и смешивается с запахом матери. Шум от раскопок не утихает.

Потом до нас долетает новый запах. Спустя годы я стану его узнавать, но во сне еще не знаю, что это дым. Это просто

неизвестный и непонятный нам запах, который толчками врывается в логово. Мы громко воём – дым жжёт нам глаза и лёгкие. В логове становится очень жарко и нечем дышать. Наконец мой брат, крадучись, выбирается из норы. Мы слышим его отчаянный вой, он длится и длится, а потом доносится резкий запах мочи. Сестра съезживается возле меня, стараясь стать совсем маленькой, и замирает. Вскоре она перестаёт прятаться и дышать. Она мертва.

Я прижимаюсь к земле, накрыв лапами нос. Дым слепит глаза. Звуки рытья продолжаются, и вдруг кто-то хватает меня. Я визжу и пытаюсь вырваться, но чужак выволакивает меня из логова за переднюю лапу.

Окровавленная туша и шкура матери-волчицы валяются чуть в стороне от норы. Брат испуганно жмётся в клетке, поставленной в задней части двухколесной повозки. Меня швыряют к нему и вытаскивают на свет тело сестры. Чужаки злятся, что она умерла, и пинают её ногами, как будто их злость может заставить почувствовать боль. Ворча, что уже холодно и скоро стемнеет, они свежую её и бросают маленькую шкурку моей сестры к шкуре матери. Потом двое людей садятся в повозку и подхлестывают мула, рассуждая, сколько смогут выручить за волчат на рынке, где торгуют бойцовыми псами. Шкуры матери и сестры лежат рядом и пахнут смертью.

Это было только началом бесконечных мучений. Кормили нас не каждый день. Никто не заботился укрыть нас от дождя. Мы жались друг к другу в поисках тепла, это был единственный способ хоть немного согреться. Потом брат, отощавший из-за глистов, умер в яме, куда его бросили, чтобы раззадорить бойцовых собак. И вот я один. Меня кормят требухой и объедками или не кормят вовсе. Подушечки лап покрываются язвами от хождения по клетке, когти ломаются, мышцы ноют от тесноты. Люди бьют меня и тычут палкой, дразня, чтобы я бросался на прутья клетки, которые мне не по зубам. Они обсуждают, что хорошо бы продать меня для собачьих боев. Я слышу слова, но не понимаю их.

На самом деле я понимал. Резкий спазм вырвал меня из сна, и в первое мгновение все вокруг показалось чужим и неправильным. Я лежал, свернувшись клубком, и весь дрожал. От шерсти ничего не

осталось, только голая кожа. Лапы сгибались неправильно, что-то мешало мне ими пошевелить. Все чувства приглушены, словно меня засунули в мешок. Все вокруг пропитано запахами ненавистных существ. Я оскалился, зарычал и стал вырываться из пут.

Даже когда я упал на пол, уронив с кровати одеяло, и тело напомнило мне, что я и есть одно из этих самых ненавистных мне человеческих существ, я все еще ничего не понимал. Я в недоумении огляделся по сторонам. Похоже, было утро, но пол, на котором я очутился, ничуть не походил на гладкие половицы моей спальни. Эта комната вообще не пахла моим жилищем. Я медленно встал, дожидаясь, пока глаза приспособятся к темноте. Напрягая зрение, я смог разглядеть множество маленьких красных глаз и только потом понял, что вижу тлеющие угли. В очаге.

Когда я ошупью пересек комнату, все встало на свои места. Стоило мне разворошить угли и подбросить немного хвороста, как из темноты проступило старое жилище Чейда в Оленьем замке. Так и не опомнившись до конца, я отыскал новые свечи и зажег их. Трепещущий свет омыл стены, комната будто очнулась ото сна. Я огляделся по сторонам, дожидаясь, пока проснется и память. Видимо, решил я, ночь уже миновала и за толстыми стенами без окон разгорелся день. Вдруг на меня волной обрушились воспоминания о страшных событиях накануне. Как я чуть не убил Шута и бросил свою дочь на попечение людей, которым не вполне доверяю; как потом позаимствовал слишком много Силы у Риддла и едва не прикончил и его тоже, пока доставлял Шута в Олений замок. Эта волна воспоминаний столкнулась с другой, более старой и могучей, – обо всех тех вечерах и ночах, которые я провел в этой комнате, изучая науки, необходимые, чтобы стать убийцей на службе короля. Когда хворост в камине наконец разгорелся, мне показалось, что я проделал долгий путь, чтобы вернуться к себе. Страшный сон волка о том, как его пленили, поблек в памяти. Ночной Волк, мой друг, мой брат, давно покинул этот мир. Эхо его продолжало жить в моей памяти, в моем сердце, в моем разуме, но он не прикроет мне спину в предстоящей драке. Я остался один.

Нет, не один – у меня есть Шут. Мой друг вернулся. Больной, израненный и, возможно, отчасти потерявший рассудок, но он снова рядом. Подняв свечу повыше, я подошел к кровати.

Шут по-прежнему крепко спал. Выглядел он ужасно. Следы пыток запечатлелись на его иссеченном шрамами лице. От перенесенных лишений и голода кожа покрылась струпьями, волосы сделались сухими и жидкими, как мятая солома. И все же он выглядел намного лучше, чем когда мы встретились после долгой разлуки. Он согрелся, вымылся и насытился. Даже по его дыханию я чувствовал, что сил у него прибавилось. Хотел бы я сказать, что это была моя заслуга, но нет. Не ведая, что творю, я похитил здоровье у Риддла и передал его своему другу, когда мы совершали переход через камни Силы. Это было нечестно по отношению к Риддлу, пусть я ограбил его и не нарочно, однако звук ровного дыхания Шута бальзамом лился на мою душу. Ночью у него хватило сил, чтобы поговорить со мной, вымыться и поесть. Он даже мог немного ходить. Это было гораздо больше, чем я ожидал от нищего калеки, каким встретил его.

Но нельзя обрести настоящее здоровье, позаимствовав его у другого. Мне пришлось спешно прибегнуть к исцелению Силой, и это истощило скудные запасы сил самого Шута. А на похищенном у Риддла Шут долго не продержится. Оставалось надеяться, что теперь, отдохнув и поев, он начнет понемногу восстанавливаться. Глядя, как он спит, я отважился подумать, что Шут все же выживет. Мягко ступая, я подобрал с пола покрывала, которые стащил в своем полусонном рывке, и старательно укутал его.

Он так изменился... Когда-то Шут почитал красоту в любом проявлении. С каким тщанием и вкусом выбирал он наряды, обстановку для своих комнат, занавески на окна и балдахин на кровать – даже шнурок, которым подвязывал безупречно ухоженные волосы. Но того человека больше не было. Шут вернулся пугалом в лохмотьях. Его лицо так исхудало, что сквозь кожу проступили кости. Измученный, ослепший, покрытый шрамами, Шут так изменился от перенесенных ужасов и страданий, что я едва узнавал его. Гибкий и ловкий паяц исчез без следа. Перестал существовать и элегантный лорд Голден с его утонченными манерами. Полумертвая развалина – вот все, что осталось от моего друга.

Веки его слепых глаз были опущены. Рот чуть приоткрыт. Он сопел во сне.

– Шут! – Я осторожно потряс его за плечо.

Он не шелохнулся, только дыхание чуть сбилось с ритма. Потом Шут глубоко вздохнул, словно отмахнулся от боли и страха, и снова задышал ровно, вернувшись в глубокий сон.

Он сбежал из плена, где его пытали, и долго шел ко мне, преодолевая боль и лишения. Он был тяжело болен и боялся, что его преследуют убийцы. Как ему вообще удалось проделать столь долгий путь в таком состоянии – слепым, с переломанными костями? Но он пришел ко мне – ради единственной цели. Ночью, прежде чем забыться наконец глубоким сном, он попросил меня снова стать убийцей – ради него. Он хотел, чтобы я отправился с ним в Клеррес, в школу, где он когда-то учился и откуда теперь сбежал. Чтобы я пошел с ним и расправился с теми, кто пытал его. Шут просил меня как о великом одолжении вспомнить науку убийства и уничтожить их всех.

Мне казалось, эта часть моей жизни навсегда осталась в прошлом. Я сделался другим человеком – уважаемым помещиком, распорядителем в имении старшей дочери, отцом маленькой девочки. Я больше не профессиональный убийца. Все это позади. Вот уже много лет, как я перестал быть поджарым и стремительным убийцей с железными мускулами и каменным сердцем. Не только Шут, но и я очень изменился.

Я по-прежнему ясно помнил насмешливую улыбку Шута и его быстрые озорные взгляды, от которых разом и таяло сердце, и вскипало раздражение. Теперь его трудно было узнать, однако я верил, что знаю о нем самое главное, пусть и не знаю самого простого – например, где он родился и кто были его родители. Мы знакомы с ранних лет. Я невесело усмехнулся при этой мысли: с ранних лет, не с детства. Д детства ни у меня, ни у него, считай, не было. И все же мы много лет остаемся близкими друзьями, а это что-нибудь да значит. Мне довелось убедиться, что Шут не предает друзей и готов ради них на многие жертвы. Я видел его в минуты глубочайшего отчаяния, видел парализованного ужасом. Сломленного телесными страданиями и пьяного до слез. Больше того, я видел его мертвым, я даже был им, когда он был мертв, я заставил его тело вернуться к жизни и призвал его дух вернуться в тело.

В общем, я знал его. Как облупленного.

Или думал, что знаю.

Я глубоко вздохнул, но на сердце по-прежнему лежал камень. Зачем я обманываю себя, словно ребенок, который боится взглянуть во мрак, ужасаясь того, что там может скрываться? Пора посмотреть правде в глаза. Я знал Шута как облупленного. И знал, что он пойдет на все, чтобы повернуть судьбу мира в наилучшую сторону. Из-за него я когда-то чуть не погиб, он предвидел, что мне придется вытерпеть боль, лишения и утраты. Он и сам сдался на пытки и мучительную, неизбежную, как он верил, смерть. И все ради того, чтобы видение будущего, явленное ему, стало реальностью.

Поэтому, если бы Шут решил, что ради великой цели надо кого-то убить, и если бы ему самому это было не по силам, он пришел бы с просьбой ко мне. И присовокупил бы к ней слова, бьющие прямо в сердце: «Ради меня».

Я отвернулся от него. Да. Он бы попросил меня, хотя меньше всего на свете мне хотелось возвращаться к старому ремеслу. А я бы согласился. Потому что при одном взгляде на Шута, больного и искалеченного, в моей душе вздымался гнев. Никто, никто на всем белом свете не должен оставаться в живых после того, как причинил столько боли и увечий. Ни одно существо, до такой степени бессердечное, чтобы расчетливо пытаться и калечить, не имеет права жить. Те, кто это сделал, – чудовища. Пусть они с виду и люди, их деяния доказывают обратное. Их необходимо убить. И сделать это должен я.

Я сам хотел этого. Чем дольше я смотрел на Шута, тем больше мне хотелось пойти и убить – убить не тайно и аккуратно, а напоказ и кроваво. Я хотел, чтобы те, кто это сделал, успели понять, что скоро умрут – и за что именно умрут. Чтобы они пожалели о содеянном.

Но я не мог этого сделать. И сердце мое обливалось кровью.

Мне придется отказаться. Несмотря на всю любовь к Шуту, на узы нашей дружбы, на весь мой гнев и ярость. Потому что в первую очередь я нужен Би. Она нуждается в моей любви и защите. Я и так отчасти поступился отцовскими обязанностями, поручив дочь заботам чужих людей, пока спасаю друга. Би, моя маленькая девочка, – все, что осталось мне после смерти жены, Молли. И последняя оставленная мне судьбой возможность проявить себя хорошим отцом, хотя пока что у меня не очень получается. Много лет назад я не стал настоящим отцом своей старшей дочери, Неттл. Я решил, что она не моя, и ушел,

предоставив ей расти без меня. И вот теперь Неттл сомневается, что я способен заботиться о Би. Она уже не раз говорила о том, чтобы забрать Би в Олений замок, где Неттл сможет обеспечить ей уход и воспитание.

Этого я допустить не мог. Би слишком маленькая и странная, чтобы выжить в мире придворных интриг. Я решил оставить ее у себя, в Ивовом Лесу, тихом и безопасном поместье. Там, вдали от городов, она сможет быть собой – чудесной и странной крохой, которая очень медленно растет. Пусть я и покинул ее, чтобы спасти Шута, но это больше не повторится, я скоро вернусь к ней. Может быть, утешал я себя, Шут в ближайшие дни поправится достаточно, чтобы отправиться со мной. Я заберу его в Ивовый Лес, и там, в тишине и покое, он сможет отдохнуть и исцелиться. Сейчас он слишком плох, чтобы возвращаться в Клеррес, не говоря уже о том, чтобы помочь мне убить тех, кто искалечил его. Месть подождет, а детство ждать не может. Стать убийцей ради Шута я всегда успею, а отцом для Би я должен быть сейчас. Поэтому самое большее, чем я могу помочь ему, – предоставить возможность поправить здоровье. Да. Первым делом ему нужно окрепнуть, а мне – позаботиться о дочери.

Я немного побродил, бесшумно ступая, по комнате. Когда-то я был счастлив тут, в тайном логове убийцы. Однако на смену стариковскому беспорядку пришла вдумчивая аккуратность леди Розмари, заполучившей логово в свое распоряжение. Комнаты стали чище и опрятнее, но мне почему-то не хватало груд свитков и снадобий, валявшихся повсюду во времена Чейда, его начатых и брошенных на полдороге задумок. Теперь на полках, где некогда можно было найти что угодно, от змеиного скелета до окаменевшего обломка кости, ровными рядами стояли закупоренные склянки.

На каждом флакончике был ярлык, подписанный красивым дамским почерком. Каррим, эльфийская кора, валериана, волчий аконит, мята, медвежий жир, сумах, наперстянка, циндин и тилтский дым. На одном горшочке стояла пометка «Эльфийская кора с Внешних островов», должно быть, чтобы не спутать ее с корой из Герцогств, имеющей более мягкое действие. В стеклянном сосуде была какая-то темно-красная жидкость, которая закручивалась водоворотами от малейшего прикосновения. В красной жиже мелькали серебряные нити – не смешивались с ней, но и не всплывали на поверхность, как

жир на воде. Мне никогда не доводилось видеть ничего подобного. Ярлычка на флаконе не было, и я осторожно поставил его на место, в специальную деревянную стойку, предохранявшую от падения. Некоторые вещи лучше лишний раз не трогать. Я понятия не имел, что такое карудж-корень и кровохлёст, но рядом с каждым из этих названий был красными чернилами пририсован череп.

На полке ниже были ступки с пестиками, чтобы толочь, ножи, чтобы крошить, сита, чтобы просеивать, и несколько маленьких, но тяжелых котелков, чтобы вытапливать. В подставке аккуратно стояли покрытые пятнами от опытов ложки. Еще ниже красовался ряд глиняных горшочков, назначение которых я сперва не понял. Маленькие, размером с кулак, с плотно пригнанными крышками, они были покрыты коричневой глазурью и крепко запечатаны варом. Зато в каждом было отверстие в середине крышки, откуда торчал навощенный льняной шнур. Я из любопытства взвесил один такой горшочек в руке и только тут понял, что это. Чейд говорил, что ему удалось продвинуться в опытах со взрывчатым порошком. Выходит, я держу в руках его новейшее изобретение для убийства. Я осторожно поставил горшочек на место. Орудия моего старого ремесла стояли передо мной ровными рядами, будто солдаты, ожидающие приказа к атаке. Я вздохнул, однако без всякого сожаления, и отвернулся от полок. Шут по-прежнему спал.

Я сложил на поднос тарелки, оставшиеся после ночного ужина, и немного прибрался в комнате. Только с ванной, полной грязной и остывшей воды, и вонючими лохмотьями Шута я ничего не смог поделаться. Я даже не решился сжечь его тряпки в очаге, испугавшись зловонного дыма, который наверняка пошел бы от них. Я не чувствовал отвращения, лишь жалость. Моя собственная одежда была заскорузлой от крови убитой собаки и Шута. Ничего, подумал я, на темной ткани это не очень заметно. Потом подумал получше и заглянул в старый платяной шкаф, украшенный резьбой, издавна стоявший у кровати. Когда-то в нем хранились исключительно рабочие халаты Чейда – непременно из неброской серой шерсти, все в пятнах и прожженных дырах после многочисленных опытов. Сейчас халатов там висело всего два, оба синие и слишком тесные для меня. Кроме того, я с удивлением обнаружил в шкафу две женские ночные сорочки, два простых платья и пару черных рейтуз, которые были бы до

смешного коротки мне. Ну конечно! Вещи леди Розмари. Для меня тут ничего нет.

На сердце у меня было тревожно, когда я тихо выскользнул из комнаты, однако мне нужно было кое-что сделать. Наверное, кто-то скоро придет прибрать комнату и принести свежей еды, и мне не хотелось оставлять спящего и беззащитного Шута на милость незнакомцев. Но я уже понял, что напрасно не доверял Чейду. Прошлым вечером он позаботился о нас, несмотря на свои неотложные дела.

Шесть Герцогств хотели начать с Горным Королевством переговоры о слиянии и пригласили влиятельных людей отсюда погостить в Оленьем замке всю праздничную неделю. Но даже в разгар торжества не только Чейд, но и король Дьютифул, и его мать Кетриккен улучили минуту, чтобы, покинув гостей, поприветствовать нас с Шутом, а Чейд вдобавок еще и позаботился, чтобы в эту комнату доставили все необходимое. Судьба моего друга небезразлична Чейду. Не знаю, кого он пришлет, но это определенно будет надежный человек.

Чейд. Я глубоко вздохнул и потянулся к нему Силой. Наши разумы легко соприкоснулись.

Чейд? Шут спит, а мне нужно кое-что сделать, и я не хотел бы...

Да-да, конечно. Не сейчас, Фитц. Мы обсуждаем ситуацию с Кельсингрой. Если они не желают призвать своих драконов к порядку, возможно, нам придется создать союз, чтобы как-то противостоять этим чудовищам. Я позаботился, чтобы у тебя и твоего гостя всего хватало. На синей полке есть немного денег, если тебе нужно. Но сейчас мне надо сосредоточиться на делах. Представители Удачного подозревают, что Кельсингра пытается сговориться с герцогиней Калсиды!

Ох, прости.

Я отпрянул, внезапно почувствовав себя ребенком, который отвлекает взрослых от обсуждения важных дел. Драконы. Союз против драконов. И с кем? С Удачным? А что можно поделаться с драконами, кроме как выделять им мясо, чтобы притупить аппетит? Может, дальновиднее было бы поддерживать дружеские отношения с этими высокомерными хищниками, чем бросать им вызов? Мне вдруг стало

обидно, что моего мнения не спросили. Хотя с какой стати меня стали бы спрашивать?

Я тут же велел себе оставить эти мысли: «Пусть Чейд, Дьютифул, Эллиана и Кетриккен думают, как быть с драконами. Ступай своей дорогой, Фитц».

Я приподнял гобелен, закрывающий дверной проем, и углубился в лабиринт потайных ходов Оленьего замка. Когда-то я знал эти шпионские пути так же хорошо, как дорогу в конюшни. И за все прошедшие с тех пор годы эти коридоры, вьющиеся в толще внутренних стен и тянущиеся вдоль внешних, нисколько не изменились.

Зато изменился я. Я уже не был ни тощим мальчишкой, ни даже юношей. Мне стукнуло шестьдесят, и, сколько бы я ни утешал себя тем, что еще достаточно крепок для тяжелой работы, от былой гибкости не осталось и следа. Узкие повороты, за которые я прежде проскальзывал ужом, теперь требовали втянуть живот. Наконец я добрался до потайной двери в кладовую, дождался, прижавшись ухом к стене, когда там никого не будет, и вышел из лабиринта за стойкой с сосисками.

Меня спасла только суматоха Зимнего праздника. Едва я вышел из кладовой, какая-то женщина в обсыпанном мукой фартуке налетела на меня и сердито спросила, где меня носит.

– Ты принес мне гусиный жир, наконец?

– Я... я не нашел его там, – промямлил я, и она язвительно ответила:

– Еще бы! Ты же искал не в той кладовой. Через одну дверь дальше по коридору лестница вниз, там вторая дверь направо ведет в ледник. Ступай туда и принеси мне жира! Он в коричневом горшке на полке. Живо!

Она круто развернулась и пошла прочь, а я остался стоять. На ходу кухарка громко ворчала – вот, мол, что бывает, когда дополнительных помощников нанимают в последнюю минуту перед праздником. Я с трудом перевел дыхание, повернулся – и увидел детину примерно моего роста с большим и тяжелым коричневым горшком в руках. Пристроившись за ним, я дошел до двери в кухню, откуда пахло ароматом свежего хлеба, горячего супа и жарящегося мяса. Детина свернул туда, а я зашагал дальше по коридору.

Во дворе Оленьего замка суеилось множество людей, и я выглядел всего лишь еще одним слугой, спешащим с поручением. Взглянув на небо, я удивился – полдень явно уже миновал. Я проспал дольше, чем собирался. Тучи разошлись, проглянуло солнце, но ясно было, что это лишь недолгая передышка между метелями, и я пожалел, что так легкомысленно расстался накануне со своим плащом. Мне очень повезет, если удастся раздобыть новый до снегопада.

Первым делом я направился в лазарет, надеясь наедине попросить прощения у Риддла. Но там оказалось на редкость многолюдно – несколько стражников слегка подрались. К счастью, обошлось без серьезных травм, только одному парню крепко досталось по щеке, и выглядел он так, что невозможно было смотреть без содрогания. Шум и гам снова оказались мне на руку, и я быстро выяснил, что Риддла в лазарете нет. Оставалось надеяться, что он уже поправился, хотя, скорее всего, его просто переправили куда-нибудь в более спокойное место. Я вышел из лазарета и остановился, решая, что делать дальше.

Взвесив в руке кошель, я понял, что деньги у меня есть – к тому, что я собирался потратить на подарки младшей дочери, добавился и дар Чейда. Отправляясь из Ивового Леса в Дубы-у-воды, я взял с собой побольше денег, рассчитывая всячески баловать Би на ярмарке. Неужели это было только вчера? Меня охватила тоска. День, который я хотел посвятить радостям и веселью, обернулся жестокостью и кровопролитием. Чтобы спасти жизнь Шута, мне пришлось отправить дочь домой под сомнительной защитой писаря Фитца Виджиланта и леди Шун. Мою малышку Би, которая в свои девять лет выглядит едва на шесть. Каково ей там сейчас? Неттл обещала послать в Ивовый Лес птицу, чтобы сообщить, что я благополучно добрался в Олений замок, и я знал, что могу положиться в этом на старшую дочь. Так что чуть позже я напишу несколько писем. Фитцу Виджиланту, леди Шун, но главное – Би. Хороший гонец на добром коне доставит их за три дня. Ну или за четыре – если снова начнутся метели. А пока хватит и голубиной почты. И, раз уж у меня есть время, схожу-ка я в Баккип, куплю себе новую одежду на деньги, оставленные Чейдом, и побольше подарков для Би. Подарков по случаю Зимнего праздника. Чтобы показать, что я думал о ней, даже когда меня не было рядом. Я побалую себя тем, что побалую свою дочь! Пусть даже подарки и придут с опозданием на несколько дней.

Я мог бы связаться с Дьютифулом или Неттл при помощи Силы и договориться, чтобы мне дали лошадь, но предпочел спуститься в город пешком. Лошади спотыкаются и оскальзываются на обледенелой брусчатке идущих под уклон улиц, да и Дьютифул наверняка все еще занят на переговорах с торговцами. А Неттл, скорее всего, до сих пор злится на меня, и недаром. Лучше не трогать ее какое-то время, пусть остынет.

Дорога оказалась куда шире, чем я помнил. Деревья вдоль нее вырубали, а ямы заделали. Сам город стал ближе – он разросся, дома и лавки уже карабкались вверх по склону, к замку. Там, где раньше рос лес, теперь начинались окраины, на улице шла бойкая торговля, стояла дешевая таверна «Оленья стража», а позади нее, кажется, публичный дом. Дверь этого заведения под названием «Веселая форель» кто-то снес с петель, и хмурый хозяин прилаживал ее на место. Дальше начинался старый Баккип, украшенный к празднику венками, гирляндами и яркими полотнищами. На улицах было многолюдно – нагруженные посыльные спешили в таверны и гостиницы, гуляли путешественники, бойко предлагали всевозможный товар торговцы, торопясь заработать на празднике.

Не сразу я нашел то, что искал. В лавочке, торгующей снаряжением для моряков и стражников, я подобрал себе две дешевые рубахи почти по размеру, длинный жилет из коричневой шерсти, теплый плащ и какие-никакие штаны – на первое время сойдет. При мысли, что я успел привыкнуть к одежде получше, я невольно улыбнулся и направился к портному, где меня немедленно обмерили и обещали, что все будет готово через пару дней. Я опасался, что мне придется задержаться в Оленьем замке как раз на два дня, а то и дольше, но сказал, что доплачу, если заказ будет готов раньше. Потом, путаясь и сбиваясь, я описал портному Шута – примерный рост и объемы, которые ныне, увы, стали намного меньше прежних. Портной заверил, что позже в этот же день в его мастерской приготовят белье и пару халатов и на эти размеры. Я сказал, что мой друг болен и ему лучше подойдет мягкая ткань. И добавил денег, чтобы поторопить швей.

Когда с обязательными покупками было покончено, я направился туда, где на улицах царил веселая суматоха. Все было совсем как во времена моего детства: кукольные представления, жонглеры, песни и танцы, девушки в венках из падуба. Торговцы предлагали сладости и

подарки, знахарки – амулеты и снадобья, на улицах можно было найти любое развлечение, какого захочет душа. Мне не хватало Молли и отчаянно хотелось, чтобы Би была со мной, – так хотелось показать ей все это и повеселиться вместе с ней.

Я купил ей подарков. Ленты с колокольчиками, леденцы на палочке, серебряное ожерелье с тремя янтарными птичками, пакетик орехов с пряностями, зеленый шарф с вывязанными на нем желтыми звездами, маленький ножик с хорошей рукояткой из рога и, наконец, холщовую сумку, чтобы сложить все это. Мне пришло в голову, что гонец может вместе с письмами отвезти в Ивовый Лес и подарки. Поэтому я наполнил сумку до краев, так что под конец она едва закрывалась. Я купил бусы из пятнистых ракушек с далеких берегов, мешочек душистых трав, чтобы положить в сундук с зимней одеждой, и много чего еще. Стоял на диво погожий зимний день, свежий ветер приносил запах моря. И сердце у меня пело, когда я представлял, как будет радоваться Би, доставая безделушки одну за другой. Я не спешил покидать праздничные улицы, обдумывая письмо, чтобы отправить вместе с подарками. Надо подобрать слова, правильные и простые, и пусть Би сама прочтет в моем сердце, как мне жаль, что пришлось оставить ее. Но вскоре ветер снова натянул серые снежные тучи, и пришла пора возвращаться в замок.

На обратном пути я зашел в портняжную мастерскую – мне повезло, одежда для Шута была готова. Когда я двинулся дальше, низкие тучи уже обложили горизонт. Пошел снег, и пока я брел по дороге, круто поднимавшейся к замку, ветер жалил лицо. Ворота я миновал так же легко, как и когда выходил, – по случаю Зимнего праздника и прибытия гостей из Удачного страже было велено не допытываться у входящих, что у них за дела.

Но это напомнило мне о том, что рано или поздно придется решить еще один вопрос. Мне нужно было как-то назваться. С тех пор, как я по просьбе Би сбрил бороду, даже Риддл не уставал удивляться, как молодо я выгляжу. Я много лет не был в Оленьем замке и теперь опасался представляться Томом Баджерлоком. И не только потому, что седая прядь, похожая на барсучий хвост, давно исчезла, а еще и потому, что те, кто помнил Тома Баджерлока, слишком удивились бы, увидев перед собой мужчину лет тридцати с небольшим, когда ему должно быть уже шестьдесят.

Через кухню я на этот раз не пошел, а воспользовался боковой дверью, через которую ходили в основном посыльные и слуги высшего ранга. Плотная набитая сумка служила отличным оправданием, а когда помощник управляющего поинтересовался, куда я иду, я сказал, что несу посылку для леди Неттл.

Гобелены и мебель в замке сменились, но расположение господских покоев согласно высоте положения их обитателей оставалось примерно тем же, что и во времена моего детства. По лестнице для слуг я поднялся на этаж, где селили низшую знать, потоптался немного в коридоре, словно ожидая, пока меня впустят в комнаты, и, оставшись в одиночестве, незамеченным поднялся на этаж выше, где были старые покои леди Тайм. Ключ легко повернулся в замке, и я вошел. Ход в потайные коридоры начинался в шкафу, набитом затхлыми старушечьими платьями.

Я пробрался в лаз так же неуклюже, как и накануне ночью. Так ли уж необходима вся эта секретность? Шут попросил поселить его в тайных комнатах, потому что боялся преследователей, но, пройдя через камни, мы наверняка оставили далеко позади любую погоню. Однако потом я вспомнил, как умерла Белая девушка, как паразиты пожирали ее глаза, и решил, что осторожность все же не помешает. Пусть лучше Шут поживет там, где его никто не найдет, – хуже не будет.

Пока меня не было, в комнатах успел побывать кто-то из загадочных подручных Чейда. Надо бы познакомиться с ним. Или с ней. Лохмотья Шута исчезли, пустая ванна стояла в углу. Грязные тарелки и бокалы были вымыты и расставлены по местам. В дальнем углу очага стоял тяжелый глиняный горшок, из-под крышки доносился аромат тушеного мяса. Стол был застелен скатертью, на которой, завернутый в чистую желтую салфетку, лежал каравай хлеба, стояла тарелочка с по-зимнему бледным маслом и пыльная бутылка красного вина. Стол был накрыт на двоих, возле тарелок и приборов ожидали кружки.

На спинке стула висели две удобные ночные сорочки из льняного полотна – должно быть, заботами Кетриккен. К ним прилагались две пары свободных штанов из той же ткани. Чулки для сна, связанные из ягнячьей шерсти, были аккуратно скатаны в шарики. Я улыбнулся при мысли о том, что, возможно, бывшая королева отыскала эти мягкие

вещи в своем собственном шкафу. Собрав одежду, я положил ее в изножье кровати.

Наряд, оставленный на другом стуле, выглядел загадочно. На спинке висело лазурно-голубое платье с разрезными рукавами и множеством лишних пуговиц. На сиденье лежали штаны из черной шерсти – довольно-таки удобные, заканчивающиеся у щиколоток белоголубыми манжетами. Туфли без задников, стоявшие на полу возле стула, напоминали пару лодочек, их острые мыски круто задирались вверх, а каблуки были широкими и устойчивыми. Даже если бы Шут окреп достаточно, чтобы разгуливать по Оленьему замку, эта обувь, на мой взгляд, оказалась бы ему велика.

Шут дышал глубоко и ровно – едва перешагнув порог комнаты, я понял, что он спит. И пусть себе спит, подумал я, подавив мальчишеское желание разбудить его и спросить, как он себя чувствует. Оставив друга в покое, я сел к старому письменному столу Чейда, чтобы написать Би. В голове теснились тысячи слов, но я вывел лишь первую строчку и надолго задумался, уставившись на чистый лист бумаги. Мне так много хотелось ей сказать – заверить, что я скоро снова буду дома, дать совет, как лучше вести себя с Фитцем Виджилантом и леди Шун... Но что, если письмо прочтает не только Би? Хотелось бы надеяться, что никто больше не станет в него заглядывать, однако осторожность, привитая с детства, взяла верх, и я решил не писать ничего такого, что могло бы настроить окружающих против моей девочки. Поэтому я лишь выразил надежду, что Би понравятся мои маленькие подарки. Я давно обещал ей нож, чтобы носить на поясе, и вот теперь наконец купил его. В письме я сказал, что рассчитываю на ее благоразумие в обращении с ним. Еще добавил, что скоро вернусь и хорошо бы, чтобы она не теряла без меня времени даром. Я не стал писать дочери о необходимости усердно учиться под руководством своего нового наставника. На самом деле я надеялся, что уроки возобновятся только после окончания Зимнего праздника, когда я уже вернусь. Но об этом я тоже не стал писать и лишь пожелал Би хорошо отпраздновать, добавив, что ужасно по ней скучаю. Тут я на какое-то время впал в задумчивость. Пришлось напомнить себе, что уж Ревел-то позаботится, чтобы праздник прошел как следует. В тот роковой день я собирался нанять менестрелей в Дубах-у-воды, да так и не успел. А повариха Натмег обещала приготовить праздничные

блюда, список которых составил Ревел. Этот список так и лежит где-то у меня на столе.

Моя дочь заслуживала большего, но я ничего не мог сделать отсюда, издалека. Придется ограничиться подарками до тех пор, пока я не вернусь домой, чтобы быть рядом с Би.

Я свернул письмо и перевязал свиток одним из шнурков Чейда. Потом нашел воск, запечатал им узел и оставил оттиск своего перстня. Моей печаткой был барсучий след – знак помещика Тома Баджерлока по прозвищу Барсучий Хвост. Фитцу Чивелу Видящему не полагалось королевского атакующего оленя на печатку.

Мой Дар встрепенулся, давая знать о появлении чужака. Мои ноздри дрогнули, приносясь. Я не шелохнулся, но позволил взгляду бездумно блуждать по комнате. Там! Там, за старым гобеленом с изображением охоты с борзыми на оленя, прикрывающим один из потайных входов, кто-то дышит. Я сосредоточился, тело приготовилось действовать. Сам я, в отличие от чужака, дышал беззвучно. Я не стал хвататься за оружие, лишь переместил свой вес, чтобы быть готовым в любое мгновение вскочить, метнуться или упасть на пол. Я ждал.

– Господин, пожалуйста, не надо на меня нападать.

Мальчишеский голос. По-деревенски растягивает гласные.

– Входи. – Я не стал ничего обещать.

Он решился не сразу. Потом очень медленно отвел гобелен в сторону и вошел в тускло освещенную комнату. Оказавшись на свету, мальчишка показал мне свои руки – в правой ничего не было, в левой он держал свиток.

– Вам письмо, господин. Вот и все.

Я внимательно пригляделся к нему. Он и правда был совсем еще мальчишка, лет от силы двенадцати. Костлявый, с узкими плечами. Он и когда вырастет, не станет крупным мужчиной. На нем была синяя ливрея, какие носили все пажи в Оленьем замке. Каштановые волосы, вьющиеся, как шерсть барашка, и карие глаза. Надо же, какой осторожный: вышел на свет, но остался стоять ближе к выходу. А прежде почувствовал опасность и предупредил меня о своем появлении. Это заставило меня его уважать.

– От кого письмо?

Мальчишка облизнул губы кончиком языка:

– От того, кто знал, что вы здесь. От того, кто научил меня, как сюда попасть.

– А откуда ты знаешь, что письмо предназначено именно мне?

– Он сказал, я найду вас здесь.

– Но здесь мог оказаться кто угодно.

Он покачал головой, но не стал спорить:

– У вас нос сломан много лет назад. И засохшая кровь на рубашке.

– Ладно, давай сюда это письмо.

Он приблизился опасно, как лис, задумавший утащить тушку кролика из капкана. Ступая легко и не сводя с меня глаз, подошел к столу, положил на него свиток и отступил.

– Это все? – спросил я.

Он оглядел комнату, задержавшись взглядом на запасе дров и еде:

– Еще я готов принести все, что пожелаете, господин.

– А зовут тебя?..

И снова он ответил не сразу:

– Эш^[1], господин. – И умолк, глядя на меня.

– Мне больше ничего не нужно, Эш. Можешь идти.

– Господин, – почтительно ответил он. И попятился – медленно, шаг за шагом, не отрывая от меня глаз.

Когда его руки нащупали гобелен, Эш юркнул за занавесь и был таков. Я ждал, но так и не услышал его шагов на лестнице.

Выждав еще немного, я бесшумно поднялся и, крадучись, двинулся через комнату. Но когда я отдернул гобелен, за ним никого не оказалось. Я удовлетворенно кивнул. С третьей попытки Чейд все-таки нашел себе способного ученика. Я задумался было, кто из них – Чейд или леди Розмари – обучает мальчишку и где они его нашли, но выбросил эти мысли из головы. Не мое дело. Благоразумнее будет задавать как можно меньше вопросов и по возможности держаться подальше от дел тайных убийц и политики Оленьего замка. Мне и своих забот хватает.

Я проголодался, но решил подождать, пока Шут проснется, чтобы поесть вместе с ним. Так что я вернулся к столу и взялся за послание Чейда. И стоило мне прочитать первые строки, как я почувствовал, что меня вновь затягивает в сети политических интриг.

Раз уж ты все равно здесь и тебе покуда нечем заняться, кроме как ожидать его выздоровления, возможно, ты не против немного помочь? Тебе уже принесли подходящую одежду, а при дворе распущен слух, что скоро прибудет с визитом лорд Фелдспар из Высокой Кручи – это небольшое, но процветающее имение у северо-западных границ Бакка. Лорд Фелдспар недаром носит прозвище Полевой Шпат – он совершенно черствый человек, любит выпить и, по слухам, в медной шахте на его землях недавно стали добывать весьма качественную руду. Потому он и приехал ко двору, надеясь поучаствовать в переговорах с торговцами.

И так далее. Мое имя ни разу не упоминалось в письме, почерк явно принадлежал Чейду, но я прекрасно понимал, какая игра затевается. Дочитав послание, я внимательно изучил провинциальный наряд, приготовленный для меня. И вздохнул. К счастью, торопиться некуда – я должен буду появиться на торжественном пиру в Большом зале только вечером. Что от меня требуется, я знал: мало говорить, внимательно слушать и доложить Чейду, кто пытался сделать мне деловое предложение и насколько щедрым оно оказалось. Общий расклад, ради которого все и затевалось, я даже не пробовал вообразить. Чейд наверняка тщательно взвесил, сколько мне необходимо знать, и поделился только тем, чем счел нужным. Опять он плетет свои сети.

И все же, несмотря на досаду и раздражение, сердце мое радостно затрепетало. Это же канун Зимнего праздника. Повара королевского замка превзойдут сами себя. На пиру будут музыка и танцы и гости со всех концов Шести Герцогств. И я под новой личиной, в наряде, который будет одновременно привлекать ко мне внимание и выдавать во мне чужака, снова, как в юности, стану шпионить для Чейда!

Я взял платье и на пробу приложил его к себе. Это оказалось никакое не платье, а щегольской и аляповатый длинный камзол под стать неудобным туфлям. Пуговицы – костяные, с нарисованными крошечными цветочками – шли не только спереди, но и по широким манжетам. Несметное множество пуговиц, которые ничего не застегивали, а служили лишь украшением. Ткань была мягкая, какого-то незнакомого мне вида. Взяв камзол в руки, я сперва удивился его

тяжести, а потом сообразил, что кто-то уже разложил все необходимое по потайным карманам.

Обшарив их, я нашел отличный набор маленьких отмычек и миниатюрную пилку с острыми зубцами. В другом кармане обнаружился бритвенно-острый ножичек, какие предпочитают карманники. Насчет своих способностей в этом ремесле я сильно сомневался. Несколько раз мне доводилось шарить по чужим карманам по приказу Чейда – не в поисках денег, конечно, а чтобы выяснить, чьи любовные письма хранит в кошельке Регал или у кого из слуг завелось слишком много серебра для честного лакея. Но это было много лет назад. Очень много.

Шут в кровати еле слышно застонал, и я, перебросив камзол через руку, кинулся к нему.

– Шут! Ты проснулся?

Его лоб был изборожден морщинами, глаза плотно закрыты, но при звуках моего голоса на губах Шута появилось нечто похожее на улыбку.

– Фитц... Это сон, да?

– Нет, дружище. Ты здесь, в Оленьем замке. И в безопасности.

– Ах, Фитц. Я всегда в опасности. – Он слегка закашлялся. – Я думал, что умер. Проснулся – и не почувствовал ни боли, ни холода. Вот я и решил, что наконец умер. А потом пошевелился, и боль вернулась.

– Прости меня, Шут.

Это я нанес ему самые свежие раны. Я не признал его, увидев, как больной и, возможно, безумный нищий прижимает к себе мою Би. Я бросился спасать дочь и несколько раз ударил его ножом, прежде чем понял, что вижу перед собой моего самого старого друга на всем белом свете. Я бросился лечить его при помощи Силы, это помогло закрыть раны и остановить кровотечение, но исцеление истощило его. Кроме того, пока я врачевал то, в чем был виноват сам, я обнаружил в теле Шута и другие, давние, повреждения. Зараза, которую он носит в себе, пожирает его изнутри. Медленно убивает. Остается только одно: дать Шуту набраться сил в достаточной мере, чтобы можно было предпринять более серьезное исцеление.

– Ты голоден? Есть тушеное мясо, очень мягкое. А еще красное вино и хлеб. И масло.

Он ответил не сразу. Его слепые глаза казались тускло-серыми в скудном свете. Они двигались в глазницах, как будто он пытался разглядеть все, о чем я говорил.

– Правда? – сказал Шут. – Тут в самом деле столько еды? Ох, Фитц, я боюсь двинуться с места – вдруг очнусь и окажется, что и тепло, и одеяла, и еда – только сон...

– Тогда давай я принесу тебе еду в постель?

– Нет-нет, не надо. У меня все мимо рта. Дело не только в слепоте, но и в руках. Они дрожат. И дергаются.

Он пошевелил руками, и мне стало дурно. На одной подушечки пальцев были срезаны, и на их месте выросли грубые рубцы. Костяшки страшно выпирали. А ведь когда-то это были красивые и изящные кисти, они так ловко жонглировали, разыгрывали кукольные представления и резали по дереву... Я отвел глаза.

– Тогда пойдем. Давай я помогу тебе устроиться в кресле у огня, как вчера.

– Позволь я сам буду искать дорогу, а ты только предупреждай меня, чтобы я что-нибудь не опрокинул. Хочу обследовать комнату. С тех пор, как меня ослепили, я неплохо научился обследовать комнаты на ощупь.

Я не нашелся, что ответить. Шут тяжело навалился на мою руку, и я пошел рядом, поддерживая его, пока он нашаривал дорогу.

– Чуть левее, – предупредил его я.

Шут сильно хромал. Кажется, ему было очень больно опираться на опухшую ногу. Как ему вообще удалось проделать столь долгий путь в таком состоянии? Как он шел в одиночку по дорогам, ничего не видя? Не сейчас, сказал я себе. У нас еще будет время поговорить об этом.

Нашупав спинку кресла, он ухватился за нее и нашарил подлокотник. Обойти кресло и опуститься в него тоже потребовало некоторых усилий. Справившись, он вздохнул – не то чтобы удовлетворенно, но так, будто закончил непростое дело. Его дрожащие пальцы легко пробежались по столу, потом он опустил руки на колени.

– Боль не дает покоя, но, думаю, она не мешает мне проделать обратный путь. Вот отдохну тут немного, подлечусь – и мы с тобой пойдем и выжжем это змеиное гнездо. Но мне нужно вернуть себе зрение, Фитц. Я хочу быть тебе не обузой, а помощником на пути в

Клеррес. Вместе мы заставим их заплатить за все. Мы совершим правосудие, которого они заслуживают.

Правосудие. Чейд всегда называл дела тайных убийц «тихой работой» или «королевским судом». А если я отправлюсь в путь, вняв просьбам Шута, что я буду вершить? Шутовской суд?

– Сейчас я положу тебе еды, – сказал я, решив пока ничего не отвечать Шуту на его тревоги.

Я положил ему на тарелку немного мелко нарезанного мяса и несколько маленьких ломтиков хлеба с маслом. Налил в кружку вино. Потом взял Шута за руку, чтобы дать ему нащупать приборы, но забыл предупредить его, и он дернулся так, будто мое прикосновение обжигало.

– Прости! – выпалили мы одновременно.

Я усмехнулся, но Шут остался серьезен.

– Хотел помочь тебе найти еду, – пояснил я.

– Знаю, – тихо ответил он.

Его руки, словно пугливые мыши, нашарили кромку столешницы и несмело двинулись дальше. Замерли у края тарелки. Пальцы пробежались по ее содержимому, едва касаясь. Наконец Шут взял кусок мяса и положил в рот. Я хотел было сказать ему, что рядом лежит вилка, но прикусил язык. Разумеется, он и сам это понимал. Не стоит указывать измученному калеке на столовые приборы, будто забывчивому ребенку. Шут ошупью нашел салфетку.

Некоторое время мы молча ели. Прикончив то, что лежало у него на тарелке, Шут мягко попросил меня нарезать ему еще мяса и хлеба. Пока я занимался этим, он вдруг спросил:

– Ну и как складывалась твоя жизнь, пока меня не было?

Я замер на мгновение, потом переложил нарезанное ему на тарелку.

– Это была прекрасная жизнь, – сказал я и сам удивился тому, что голос у меня не дрогнул.

Так трудно было подобрать слова... Как вкратце рассказать обо всем, что произошло за двадцать четыре года? Как описать ухаживание, женитьбу, рождение дочери и смерть жены? Я попытался.

– Что ж... Когда мы с тобой расстались? Я тогда затерялся в столпах Силы по пути домой. Дорога, которая прежде занимала мгновения, отняла у меня несколько месяцев. Но однажды камень все-

таки выплюнул меня. Я потерял сознание, а когда пришел в себя, узнал, что ты был здесь, но ушел. Чейд передал мне твой подарок, резную фигурку. Я наконец познакомился с Неттл. Она встретила меня в штыхы, особенно поначалу. Я... ну, я стал ухаживать за Молли. Мы поженились. – У меня перехватило горло. Пересказывая нашу историю, пусть даже так скупое и короткое, я вновь ощутил, сколь много потерял, и сердце мое облилось кровью. Я хотел сказать, что мы были счастливы. Но не мог выговорить этого в прошедшем времени.

– Соболезную твоей утрате. – В устах Шута традиционная формула прозвучала с искренним сочувствием.

На миг я растерялся:

– Откуда ты?..

– Откуда я знаю? – Он тихо хмыкнул, словно бы недоверчиво. – Ах, Фитц. Почему, по-твоему, я оставил вас? Я хотел, чтобы ты хоть немного пожил той жизнью, которая в моих видениях будущего должна была начаться после того, как я умру. Я видел множество будущих, но во всех ты неустанно добивался Молли, завоевывал ее сердце и наконец обретал, пусть отчасти, счастье и покой. То счастье, что оставалось для тебя недостижимым, покуда я был рядом. Во множестве вариантов будущего она умирала и ты оставался в одиночестве. Однако эта утрата не отменяет всего того, что у тебя было, – все эти годы с Молли. Она так любила тебя.

Он вернулся к еде. Я сидел, не шевелясь. Горло сдавило с такой силой, что я едва не задохнулся от боли. Даже дышать было трудно. И хотя Шут был слеп, я чувствовал, что он понимает, каково мне. Он ел очень медленно, словно стараясь растянуть и удовольствие от еды, и молчание между нами, столь необходимое мне. Все так же неспешно он подобрал остатки подливы последней корочкой хлеба. Съел, вытер пальцы салфеткой, нащупал кружку. Когда Шут пригубил вино, на его лице отразилось блаженство.

Поставив бокал, он негромко сказал:

– То, что я помню о вчерашнем дне, не дает мне покоя.

Я хранил молчание.

– Думаю, я провел в пути всю позапрошлую ночь. Помню, шел снег и я понимал, что нельзя останавливаться отдохнуть, пока не найду хоть какое-нибудь укрытие. У меня была хорошая палка вместо посоха, это очень помогает, когда надо идти вслепую на больных ногах. Мне теперь тяжело ходить без палки. Да, вспомнил – дорога вела к Дубам-у-воды. Мимо проехала телега, возница обругал меня и крикнул, чтобы я убрался с дороги. Я посторонился. Но за телегой в снегу мне удалось нащупать следы, и я знал, что эта колея рано или поздно приведет меня туда, где можно укрыться от непогоды. И я пошел по ним. Ног я не чувствовал. Вместе с чувствительностью ушла и боль, но зато я стал чаще падать. Думаю, в Дубы-у-воды я добрался уже очень поздно. На меня залаяла собака, и кто-то прикрикнул на нее. Колея от телеги привела к конюшням. Внутри меня не пустили, но снаружи была куча соломы и навоза. – Он поджал губы на мгновение и сухо пояснил: – Я уже знал, что в соломе с навозом можно согреться.

Я кивнул, потом спохватился, что он не видит меня, и сказал:

– Да, это правда.

– Я немного поспал, потом встал и пошел. В городе началась суета. Какая-то девушка пела старую песню из тех, что мне доводилось слышать в Баккипе по случаю Зимнего праздника. И я подумал, что, возможно, в такой день будут хорошо подавать. Праздники порой смягчают сердца. Я решил попробовать вымолить немного еды и поесть, а потом, если попадутся добрые люди, попросить их отвезти меня в Ивовый Лес.

– Так ты шел ко мне!

Шут медленно кивнул. Его рука ощупью проползла по столу, нашла кружку. Сделав скупой глоток, Шут поставил ее на место.

– Конечно, к тебе. Так вот, я стал просить подаяние, но хозяйка лавки, возле которой я остановился, все разорялась, гоня меня прочь. Я и сам понимал, что надо идти. Но я так устал, а то место, у лавки, давало укрытие от ветра. Ветер бывает страшен, Фитц. Стоит подняться ветру, и вполне сносный день превращается в пытку.

Он замолчал и обхватил себя за плечи, словно ему стало зябко при одной мысли о ветре.

– А потом... – продолжил Шут, – потом подошел мальчик. Он дал мне яблоко. Тут лавочница снова стала браниться и крикнула мужу, чтобы прогнал меня скорее. Тогда мальчик помог мне отойти от двери...

Шут снова умолк. Голова его поворачивалась из стороны в сторону. Думаю, он не осознавал этого. В эту минуту он походил на гончую, пытающуюся почуять потерянный след. И вдруг его словно прорвало:

– Это было так ярко, Фитц! – воскликнул он с горечью. – Это был сын, которого я искал! Мальчик коснулся меня, и я стал видеть его глазами. Я видел, каким сильным он может стать однажды, если обучить его правильно, если не дать Слугам поразить его своей порчей. Я нашел его и не мог сдержать радости. – Желтоватые мутные слезы хлынули по его исчерченным шрамами щекам.

Я сразу вспомнил просьбу Шута, которую он пытался передать с многочисленными посланцами: найти Нежданного Сына. Неужели у Шута был сын? Неужели Шут стал отцом вопреки всему, что я знал о нем? С того дня, когда посланница передала мне его слова и умерла, я перебрал и отверг десятки предположений о том, кто мог быть матерью этого ребенка.

– Я нашел его, – печально проговорил Шут. – И тут же потерял. Когда ты ударил меня ножом.

Стыд и вина окатили меня жгучей волной.

– Шут, прости меня. Я бы никогда не причинил тебе зла. Но я не узнал тебя.

Он покачал головой. Рука, похожая на клешню, нашла салфетку. Шут вытер лицо. Следующие слова прозвучали хрипло, как вороний гай:

– Что произошло, Фитц? Почему ты пытался убить меня?

– Я испугался за ребенка. Я вышел из таверны в поисках моей малышки и увидел тебя...

– Твоей малышки? – недоверчиво воскликнул он, перебив мои попытки объясниться.

– Да. Моей Би. – Невзирая на все ужасы, я невольно улыбнулся. – У нас с Молли родился ребенок, Шут. Крошечная девочка.

– Нет, – заявил он с железной уверенностью. – Я видел много вариантов будущего, но ни в одном из них у тебя больше не было детей.

Его лоб прорезали морщины. На изуродованном шрамами лице трудно было прочесть что-нибудь, но мне показалось, что Шут еле сдерживает гнев.

– Если бы это было правдой, я бы знал! Я бы провидел это! Я – истинный Белый Пророк, я бы провидел!

Он ударил по столу, дернулся от боли и прижал ушибленную руку к груди.

– Я бы провидел, – повторил он с прежней настойчивостью, но уже тише.

– Но это правда, – мягко сказал я. – Понимаю, в это трудно поверить. Мы и сами думали, что у нас уже не будет детей. Молли сказала, что годы, когда она могла понести, позади. А потом появилась Би. Наша малышка.

– Нет, – упрямо повторил Шут. Он поджал губы, и вдруг подбородок его задрожал, будто у ребенка. – Этого не может быть. Этого не может быть, Фитц. Как же так? Если я не провидел столь важного события в твоей жизни, что еще я мог упустить? Сколько еще ошибок я сделал? Что, если я и насчет себя заблуждался?

Он опять замолчал. Его слепые глаза двигались, словно пытаюсь отыскать меня.

– Фитц... Не сердись, но я должен спросить. – После минутного колебания он прошептал: – Ты уверен? Совершенно уверен? Ты точно знаешь, что это ваш с Молли ребенок? Не может быть так, что она дочь Молли, но не твоя?

– Би – моя дочь, – сказал я без выражения. Я и сам не ожидал, что его вопрос так уязвит мое самолюбие. – Точно моя, – добавил я с вызовом. – Она унаследовала от моей матери черты жителей Горного Королевства.

– Ты едва помнишь свою мать.

– Я помню достаточно, чтобы не сомневаться: моя дочь похожа на нее. И я достаточно хорошо помню Молли, чтобы не сомневаться в ней. Ни на миг. Шут, это было недостойно с твоей стороны спрашивать такое.

Он опустил голову, словно уставился себе на колени.

– Теперь я вообще мало чего достоин, – заключил он и встал так резко, что едва не опрокинул стол. – Пойду лягу. Мне нехорошо.

И он поковылял прочь от меня, вытянув перед собой одну изуродованную руку и прижав другую к подбородку, словно защищаясь.

– Я понимаю, ты плохо себя чувствуешь. – Мне вдруг стало стыдно за свою резкость. – Ты сейчас сам на себя не похож, Шут. Но скоро ты снова станешь собой. Вот увидишь.

– Думаешь? – Шут не обернулся, а говорил в пустоту перед собой. – Я вот не уверен. Десять лет меня убеждали, что я вовсе не тот, кем себя считал. Не Белый Пророк, а мальчишка с разыгравшимся воображением. И то, что ты только что рассказал, заставляет задуматься – вдруг они правы?

Мне было невыносимо видеть его таким раздавленным.

– Шут! Вспомни, что ты говорил мне много лет назад. Мы уже живем в будущем, которого ты не провидел. В будущем, где ни ты, ни я не умерли.

Он ничего не ответил. Добравшись до кровати, ощупал ее, потом сел на краешек. И не лег, а рухнул на постель, натянул на голову одеяла и затих.

– Я сказал правду, старый друг. У меня есть малышка-дочь, и я нужен ей. Я не могу оставить ее. Я должен быть рядом, чтобы растить ее, учить и защищать. Я не могу пренебречь отцовским долгом. И не хочу.

Продолжая говорить, я прибрался на столе – вытер лужи и крошки, оставшиеся после Шута, и закупорил недопитую бутылку. Я ждал ответа, но Шут молчал, и с каждым мгновением на душе у меня становилось все тяжелее.

Наконец я не выдержал и добавил:

– Что до того, о чем ты просил ночью... Я бы сделал это ради тебя. Ты же понимаешь. Если бы только мог. Но теперь я прошу тебя, как вчера просил ты: ради меня, пойми, что я вынужден сказать нет. По крайней мере, сейчас.

Молчание тянулось и тянулось, словно нить укатившегося клубка. Я сказал то, что должен был сказать, и рано или поздно Шут поймет. Он не самолюбив и не безжалостен, чтобы не понять. Он признает, что я сказал правду. Я не могу отправиться с ним, как бы отчаянно ни требовалось убить всех, кого он хотел видеть убитыми. У меня есть дочь. Я должен быть ей опорой и защитой. Би превыше всего. Я разгладил простыню и одеяло на своей половине постели. Возможно, Шут уже заснул.

Я сказал негромко:

– Вечером мне придется уйти – Чейд нашел для меня поручение. Возможно, я вернусь очень поздно. Ничего, если тебе придется побыть одному?

Снова никакого ответа. То ли Шут и правда мгновенно провалился в сон, то ли просто дулся и не хотел разговаривать. «Оставь это, Фитц, – сказал я себе. – Шут болен. Отдых ему сейчас нужнее всего».

Глава 2. Лорд Фелдспар

Что есть тайна? Нечто большее, чем сведения, известные лишь немногим или даже одному-единственному человеку. Тайна – это власть. Это узы. Она может быть проявлением величайшего доверия или ужаснейшей из угроз.

Тайна сокрытая дает власть, но и открыв тайну, можно обрести власть. Порой бывает непросто понять, какой выбор даст больше власти и силы.

Всякий человек, стремящийся к власти, должен стать собирателем тайн. Даже самый крошечный секрет может дорого стоить. Людям свойственно ценить собственные тайны дороже, чем чужие. Посудомойка способна предать принца, лишь бы только не прозвучало во всеуслышание имя ее тайного любовника.

Не следует разбрасываться тайнами, кои удалось собрать. Немало людей лишились всякой власти из-за излишней расточительности. Однако пуще того следует оберегать собственные тайны, иначе всю жизнь придется плясать под чужую дудку.

Конфиденс Мейхен, «Иное орудие убийцы»

Я так толком и не поел, а теперь и вовсе расхотелось. Пока я прибирал после трапезы, Шут либо спал, либо очень убедительно притворялся. Я смирился с тем, что он не желает говорить со мной, и стал переодеваться в наряд лорда Фелдспара, присланный Чейдом. Признаться, я немного нервничал. Одежда пришлась мне впору, хотя и оказалась несколько свободнее в груди и талии, чем я ожидал. К моему удивлению, наряд был очень удобным. Переложив кое-какие мелочи в потайные карманы, я сел, чтобы переобуться. Каблуки были непривычно высоки, а загнутые мыски выдавались далеко вперед и венчались маленькими кисточками. Я пять раз прошелся из конца в конец комнаты, прежде чем почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы не споткнуться в самый неподходящий момент.

В комнате Чейда было большое, отлично отполированное зеркало. Он и сам немало им пользовался, и заставлял упражняться перед ним

своих учеников. Однажды по его настоянию мне пришлось целую ночь отрабатывать перед зеркалом разные улыбки – искреннюю, обезоруживающую, насмешливую, скромную... Перечень казался бесконечным, и под утро у меня ныли все мышцы лица. И вот теперь я взял канделябр и подошел к зеркалу, чтобы взглянуть на лорда Фелдспара, владельца Высокой Кручи. К наряду прилагалась мягкая шапочка, отделанная золотым шитьем и пуговицами, в которую был вшит парик с каштановыми локонами. Я примерил ее, гадая, как носят этот головной убор и насколько сильно он должен свисать набок.

В шкафу Чейда хранился целый поднос причудливых украшений. Я выбрал два вызывающе больших и ярких перстня, понадеявшись, что пальцы от них не окрасятся зеленью. Потом согрел воды, побрился и снова оглядел себя в зеркале. Я уже хотел тихо выбраться из комнаты через гардероб, набитый затхлыми платьями леди Тайм, когда почувствовал слабое дуновение сквозняка. Тогда я замер, прислушиваясь, и точно в нужный момент спросил:

– Не пора ли уже начать мне доверять хотя бы настолько, чтобы сказать, в чем секрет той двери?

– Наверное, придется, раз уж ты лорд Фелдспар и комната внизу теперь в твоём распоряжении. – Чейд вышел из-за угла, остановился, оглядел меня и одобрительно кивнул. – Ни за что не догадаешься, где кроется ее механизм. Он даже не в этой стене. Смотри. – Чейд подошел к камину и вынул один из его кирпичей вместе с раствором, скрепляющим кладку. За кирпичом оказался черный железный рычаг. – Туговато ходит. Я позже пришлю мальчика, чтобы смазал. – С этими словами он потянул за рычаг, и сквозняк тут же прекратился.

– А как ты открывал эту дверь из моей старой комнаты?

В детстве я провел бессчетные часы, пытаюсь отыскать механизм, открывающий потайную дверь в моей спальне.

Чейд вздохнул:

– Один за другим мои секреты падают под твоим напором. Признаться, меня всегда удивляло, как это ты сам не догадался насчет той двери. Я был уверен, что рано или поздно ты наткнешься на разгадку по чистой случайности. Дверь открывается шнурком от штор. Надо потянуть так, чтобы шторы полностью задернулись, а потом потянуть еще раз. Ничего не произойдет, ни звука не раздастся, но если толкнуть потайную дверь, она откроется. Вот теперь ты знаешь.

– Теперь знаю, – согласился я. – После того, как полвека бился над этой загадкой.

– Ну уж не полвека.

– Мне шестьдесят, – напомнил я. – А ты взял меня в ученики, когда мне не было и десяти. Так что выходит даже больше, чем полвека.

– Не напоминай мне про мои годы, – сказал Чейд, со вздохом опускаясь в кресло. – Не тебе пенять на скоротечное время, тебя-то оно почти не тронуло... Сдвинь шапку чуть дальше на затылок. Да, вот так. Прежде чем ты пойдешь на пир, надо чуть подрумянить твои щеки и нос, чтобы казалось, что ты начал пить еще с утра. А брови сделаем погуще.

Он еще раз критически оглядел меня, склонив голову набок.

– Этого должно хватить, чтобы никто не узнал тебя... А это что? – Он подтянул к себе мои покупки для дочери.

– Это посылка, которую мне хотелось бы как можно скорее отправить в Ивовый Лес. Для Би. Мне пришлось оставить дочку так неожиданно, да еще и при весьма пугающих обстоятельствах. А ведь это первый Зимний праздник, который ей придется встречать без матери. Я надеялся быть с малышкой в эти дни.

– Отправим сегодня же, – серьезно пообещал Чейд. – Если бы я знал, то передал бы твою посылку с небольшим отрядом, который выслал туда утром. Они поедут быстро.

– Это всякие мелочи, купленные на рынке. Запоздалые подарки к Зимнему празднику... Погоди, ты послал в Ивовый Лес солдат? Но зачем?

– Фитц, где твоя голова? Ты бросил Шун и Фитца Виджиланта без защиты. У тебя даже ворота не охраняются. Хорошо еще, у меня поблизости есть один или двое знакомцев, которые что-то соображают. Боевыми навыками они похвастаться не могут, но смотреть в оба умеют. Если заметят опасность, предупредят Ланта. А если погода не испортится, дня через три подоспеет и мой отряд. Те еще разбойники, но командир свое дело знает. Капитан Стаут держит их на коротком поводке, а когда надо, спускает с привязи, и уж тогда их ничто не остановит. – В голосе Чейда послышалось удовлетворение. Он побарабанил по столу пальцами. – Голубь сегодня еще не прилетал, но по плохой погоде такое бывает.

– Голубь?

– Фитц, я ничего не упускаю. Я присматриваю за всем и всеми, кто находится в моем ведении. Как присматривал и за тобой все те годы, пока ты жил здесь. И вот теперь я позаботился, чтобы из Ивового Леса каждый день присылали голубя без письма, давая мне знать, что с Шун и Лантом все хорошо. Разумная предосторожность, не более!

Я и раньше знал, что у Чейда есть свой человек в Ивовом Лесу. А теперь выясняется, что ему каждый день шлют донесения. Ну хорошо, не донесения. Просто голубя, без письма. Означающего, что все в порядке.

– Чейд, мне стыдно, что я даже не подумал о безопасности Шун и Ланта, когда спешил принести сюда Шута. Ты поручил мне заботиться о них, но, боюсь, я так испугался за Шута, что все остальное просто вылетело у меня из головы.

Пока я говорил, Чейд кивал с мрачным видом, поджав губы. Лицо его окаменело. Я разочаровал его.

Потом он очень осторожно сменил тему:

– Ну что ж... Как думаешь, получится у тебя прикинуться лордом Фелдспаром на сегодняшний вечер, а может, еще завтра и послезавтра? Мне бы очень помогло, если бы среди гостей покрутился кто-то, умеющий слушать и поворачивать беседу в нужную сторону.

– Думаю, я еще не разучился. – Я чувствовал себя страшно виноватым, что подвел его. Выполняя это поручение, я смогу хоть как-то искупить свой промах. – Что тебя интересует?

– О, как обычно. Все мало-мальски любопытное. Кто пытается заключать сделки за спиной короля? Кто предлагает взятки, чтобы получить более выгодные условия? Кто берет взятки? Что вообще думают люди насчет умиротворения драконов? Ну и конечно, самое ценное – это любые мелочи, неожиданные для нас.

– У тебя есть на примете кто-то, к кому надо присмотреться особо?

– Пятеро. Нет, шестеро. – Он почесал за ухом. – Я полностью полагаюсь на твое чутье. Поделюсь кое-какими предположениями, но держи уши на макушке, чтобы не пропустить ничего интересного.

Следующие несколько часов он посвящал меня в хитросплетения власти и влияния в нынешних Шести Герцогствах. Он подробно рассказал мне о четырех мужчинах и двух женщинах, к которым я должен был украдкой приглядеться – вплоть до того, какие напитки они предпочитают, что курят и с кем крутят романы за спиной своих

супругов (таких изменников среди них было двое). Чейд вкратце описал, как добывают медную руду, чтобы я мог хотя бы поддержать разговор на эту тему, но посоветовал многозначительно помалкивать, если кто-то начнет выпытывать подробности и расспрашивать о новой жиле, которую мы якобы нашли.

И я снова, как когда-то, позволил Чейду решать все за меня. Нет, боль от утраты Молли осталась со мной, я не перестал переживать за Би и волноваться за здоровье Шута. Но я словно на время оставил свою настоящую жизнь и погрузился в прежнюю, где от меня требовалось лишь выполнять приказы Чейда и докладывать ему о том, что удалось узнать. Так было намного легче. Было даже утешительно обнаружить, что, несмотря на все мои потери и повседневные страхи, я остаюсь все тем же Фитцем и по-прежнему хорошо знаю свое дело.

Закончив наставлять меня перед работой, Чейд кивком указал на кровать:

– Как он?

– Плохо. Страдает от боли, впадает из крайности в крайность. Я обидел его, он лег и сразу заснул.

– Неудивительно. Ты правильно сделал, что не стал его будить. Пусть отсыпается. – Он взял сверток для Би, взвесил его на руке и благосклонно улыбнулся. – Эти подарки весят больше, чем те, что достались любому из детей в Оленьем замке. У меня есть прекрасный гонец. Он отправится сегодня же вечером.

– Спасибо, – сказал я, ощутив некоторую неловкость.

Чейд отмахнулся от благодарности и ушел, забрав сверток с собой. А я спустился по потайной лестнице в комнату, где жил ребенком, и закрыл дверь за собой. Для начала я просто постоял, с наслаждением оглядывая обстановку. В комнате появился дорожный сундук, очень добротный, но пыльный и побитый, словно приехал издалека. Он стоял нараспашку, часть вещей была вынута и небрежно брошена на стул. Некоторые обновки щеголяли избытком пуговиц. Я бегло оглядел содержимое сундука. Кроме нескольких смен одежды по моей мерке, на вид новой, но не чрезмерно, тут было все, что обычно берет с собой мужчина, когда собирается долгое время где-то гостить. Любой, кому вздумается пробраться в мою комнату и порыться в вещах, убедится, что я и впрямь лорд Фелдспар – тут имелись даже платки с монограммами. Сунув один такой в карман, я отправился

вниз, чтобы присоединиться к веселью в честь Зимнего праздника в Оленьем замке.

Как же там было здорово! Играла музыка, еда была превосходна, напитки, каких только душа пожелает, лились рекой. Некоторые гости вдыхали дым из крошечных жаровен на столах. Девушки в бальных платьях отчаянно заигрывали с юношами в ярких и непрактичных нарядах. Пуговиц на этих нарядах было немало. И я был далеко не единственным гостем в остроносых туфлях на каблуках. На фоне остальных мой наряд смотрелся очень даже скромно. Новая мода превратила традиционные танцы в настоящее состязание в ловкости, и не всем молодым людям удалось пройти его, устояв на ногах.

За весь вечер я пережил лишь один неприятный момент, когда заметил на другом конце зала Уэба. Не могу описать, как мне удалось почувствовать присутствие придворного мастера Дара. Должно быть, он потянулся ко мне, гадая, почему мое лицо кажется ему таким знакомым, и я ощутил это магическое прикосновение. Я отвернулся и под благовидным предлогом отошел подальше. В тот вечер я Уэба больше не видел.

Я разыскал тех, на кого Чейд просил обратить внимание, и ввязался в их разговоры, притворяясь, что принял на грудь куда больше, чем на самом деле. Я с наслаждением играл роль подвыпившего мелкого лорда, который безудержно хвастается недавно обнаружившимися на его земле богатствами. При этом я проводил больше времени среди людей торгового сословия, чем у высокого стола, где знать Шести Герцогств завязывала знакомства с гостями из Удачного, Джамелии и Кельсингры. Леди Кетриккен, в скромном бледно-желтом платье с оборками королевского темно-синего цвета, лишь мельком скользнула по мне взглядом.

Король Дьютифул с королевой Эллианой степенно прошли через зал, здороваясь с мелкими аристократами и преуспевающими торговцами. Дьютифул хранил подобающий королю торжественный и серьезный вид. Ухоженная борода, которую он начал отращивать с недавних пор, добавляла ему солидности. Королева улыбалась, ступая рука об руку с супругом. Черные кудри на ее увенчанной короной голове были ненамного длиннее, чем мои собственные волосы. Я слышал, что королева стрижется так коротко с тех пор, как ее дочь умерла во младенчестве. Такое зримое свидетельство незаживающей

душевной раны тронуло меня – кому как не мне было понять боль утраты. Я порадовался, что королева все же решила посетить празднество.

Девочка-дикарка, которую я видел когда-то скачущей верхом на пони через препятствия, выросла и стала женщиной. Эллиана была маленького роста и смуглой. Казалось бы, высокая светловолосая Кетриккен, бывшая королева Шести Герцогств, должна затмевать супругу своего сына на празднике – но ничего подобного. Кетриккен и Эллиана много лет назад пришли к согласию и теперь гармонично уравнивали друг друга. Если Кетриккен всячески подталкивала королевство на путь обновления, поощряла новые торговые связи и новые подходы к делам, то Эллиана придерживалась традиций. Она выросла на Внешних островах, где испокон веку главными были женщины, и с молоком матери впитала, что рождена для власти. За спиной королевы шли двое ее сыновей. Наряды обоих были подобающего синего цвета – цвета Оленьего замка, однако на каждой пуговице красовался нарвал, выпрыгивающий из воды, символ материнского клана. В последний раз я видел их еще детьми, теперь это были два взрослых юноши. Принц Интегрита носил скромную корону будущего короля, принц Проспер был любимцем матери, однако с возрастом стало заметно, что он унаследовал высокий лоб Видящих. Я проводил королевскую семью взглядом, и на моих глазах выступили слезы гордости. Это была наша с Шутом заслуга – долгожданный мир между Шестью Герцогствами и Внешними островами. Спыхватившись, что мои увлажнившиеся глаза выглядят неуместно, я притворился, будто закашлялся, торопливо отвернулся и затесался подальше в толпу. На миг я уронил маску лорда Фелдспара. «Держи себя в руках, Фитц», – напомнил я себе.

Мы с Чейдом решили, что в благородной груди лорда Фелдспара бьется каменное сердце. Он не питает никаких чувств к правящему семейству, руководствуясь лишь твердым намерением заплатить в казну как можно меньше налогов. Я хорошо справлялся с ролью. Всякому мелкому аристократу, соизволившему представиться мне, я вполголоса жаловался на то, как много моих кровных денежек уходит на все эти празднования. А теперь придется еще и оплачивать стада, предназначенные на прокорм драконов. Драконы! Вот пусть те, кому не повезло жить рядом с их охотничьими угожьями, и кормят этих

тварей. Или перебираются в другие земли. Почему я должен расплачиваться за их невезение? Я заводил подобные разговоры в группках поблизости от тех, за кем поручил следить Чейд, и говорил достаточно громко, чтобы эти люди меня слышали.

Я ожидал, что рано или поздно кто-нибудь откликнется предложением найти обходные пути, чтобы не платить деньги в казну. Но когда такое предложение и впрямь поступило, оно исходило не от одного из подозреваемых Чейда, а от молодого человека из Фарроу. Он не принадлежал ни к аристократам, ни к торговцам – его отец буксировал баржи по реке. Юноша улыбался, любезничал со мной и очень старался напоить чем покрепче, при этом тонко намекая, что если знать, как избежать внимания сборщиков налогов в речных и торговых портах, то можно хорошо заработать. Я решил, что эту ниточку стоит отследить, и связался с Чейдом при помощи Силы. Однако оказалось, что мой наставник, опираясь на Олуха, внимательно отслеживает все, что происходит с королем Дьютифулом и еще несколькими магами из королевского круга Силы. Я не стал долго отвлекать его или делиться с кем-то еще и лишь мысленно показал Чейду своего собеседника.

А, хорошо, – коротко отозвался он, но я почувствовал нотку удовлетворения в его голосе и понял, что помог ему приблизиться к ответу на какой-то непростой вопрос.

Ускользнув от юноши из Фарроу, я еще несколько часов бродил среди гостей. Зимний праздник – большое событие, и на пиру присутствовали правители всех Шести Герцогств и их супруги. Оставаясь неузнанным, я замечал в толпе многих друзей и знакомцев времен своей юности. Герцогиня Целерити из Бернса превратилась в красивую пожилую даму. Когда-то, целую вечность назад, совсем в другой жизни, она питала чувства к Фитцу Чивелу. Теперь за ней семенил маленький мальчик – должно быть, внук. Или даже правнук. В зале были и другие люди из моей прошлой жизни, не только благородные лорды и леди, но и торговцы и слуги. А многие из тех, кого я знал, уже не смогли бы прийти, поскольку давно покинули этот мир.

Была глубокая ночь. В многолюдном зале сделалось жарко от дыхания гостей и разгоряченных тел танцующих. Я не удивился, когда молодой речник отыскал меня, чтобы представить своего хорошего

знакомого, капитана из Удачного. Тот пояснил, что принадлежит к одному из новых купеческих семейств и его раздражают десятины и сборы, которыми в Удачном обкладывают все иноземные товары.

– Старинные торговые семейства цепляются за прошлые традиции. Что ж, если они не понимают, что пришла пора взглянуть в будущее и распахнуть двери для более свободной торговли, найдутся те, кто пролезет и в окно.

Я кивнул и предложил встретиться после окончания празднества. В ответ он вручил мне гладкую дощечку, на которой значилось его имя и название корабля. Капитан сказал, что остановился в «Кровожадных гончих», гостинице в портовом районе, и будет рад меня видеть. Еще одна рыбка попала в сети Чейда.

Желая отдохнуть, я присел у одного из малых каминов послушать менестреля, развлекавшего гостей сказанием из тех, что по традиции вспоминают на Зимний праздник. Когда я отправился на поиски кружки холодного сидра, меня перехватила молодая женщина, чуть перебравшая вина, и потребовала, чтобы я станцевал с ней. На вид ей нельзя было дать больше двадцати, и она показалась мне неразумным ребенком, забравшимся куда не надо. Интересно, где ее родители и почему они оставили ее в таком состоянии одну в разгар праздника?

Однако я станцевал с ней один из старомодных парных танцев и даже умудрился не сбиться с ритма и не перепутать шаги, несмотря на свои модные туфли на высоком каблуке. Танец был быстрым и веселым, а моя партнерша – весьма хороша собой: черные локоны, карие глаза и многочисленные юбки разных оттенков синего и голубого, одна поверх другой. Но к концу танца горло мое сдавили тоска и одиночество – столько лет я был счастлив, а теперь счастье навсегда осталось в прошлом. Поблагодарив девушку, я проводил ее к креслу у камина и улизнул. Мой канун Зимнего праздника, подумал я, давно прошел. Мне вдруг остро захотелось ощутить в своей руке крошечную ручку и поймать взгляд небесно-голубых глаз, смотрящих на меня снизу вверх. Впервые в жизни я пожалел, что моя младшая дочь не наделена Силой – тогда бы я мог дотянуться до нее сквозь снежные просторы и сказать, как я люблю ее и скучаю по ней.

Возвращаясь в свою комнату, я думал о том, что на слово Чейда можно положиться. Без сомнения, гонец уже скачет в Ивовый Лес с моими подарками и письмом. Но пройдет несколько дней, прежде чем

Би получит послание и убедится, что я не забывал о ней даже в разгар праздника. Почему, ну почему я не послушался Чейда, когда он предлагал взять наделенного Силой мага-ученика, чтобы тот жил с нами в Ивовом Лесу? Такой маг мог бы рассказать мне сейчас, что там происходит. Конечно, это далеко не то же самое, что держать дочь на руках или кружить ее в танце на праздничном вечере, но все-таки лучше, чем ничего.

Я люблю тебя, Би! – выкрикнул я при помощи Силы, словно мое послание могло само отыскать дорогу к ней. И почувствовал мягкое касание Неттл и Чейда – они намекали, что на сегодня я уже выпил достаточно. Возможно, они были правы, потому что в ответ я сказал им:

Я так скучаю по ней.

Никто мне не ответил, и я пожелал им доброй ночи.

Глава 3. Похищение Би

Это верно: порой появляется великий вождь, столь внушительный и незаурядный, что одной лишь силой своего обаяния увлекает за собой тысячи последователей к великой и благой цели. Некоторые скажут вам, что надо быть таким великим вождем, чтобы добиться решительных перемен в мире.

Правда же состоит в том, что великий вождь не может вознестись к вершинам власти без тайной помощи десятков, сотен, тысяч людей. Повитуха, помогшая появиться на свет его прабабке, столь же важна, как и кузнец, подковавший лошадь, на которой вождь возглавит великий поход. Без любого из этих людей бразды правления вырвутся из рук вождя с тою же неизбежностью, как если бы стрела поразила его в сердце.

И потому, чтобы изменить мир, нет нужды ни копить войско, ни прибегать к грубым убийствам. Не нужно и обладать особым талантом. Записи сотен талантливых Белых позволяют любому стать Изменяющим. Каждый способен предсказать незначительную перемену, которая приведет к тому, что один человек падет с трона, а иной вознесется на его место. Это стало возможным благодаря труду сотен Слуг, живших прежде нас. Нам более нет необходимости полагаться на единственного Белого Пророка, чтобы найти лучший путь для этого мира. Теперь сами Слуги могут выстлать дорогу, желанную для всех нас.

Слуга Имакиахен, «Наставления»

Шел снег. Белые хлопья сыпались с черного неба. Я лежала на спине и смотрела вверх, в темноту ночи. Меня разбудили холодные прикосновения снежинок, таявших на лице. Я очнулась, но не ото сна. Это был не покой, а странное оцепенение, подумала я. Я медленно села – голова кружилась, меня тошнило.

Перед этим я слышала звуки и запахи. В забытьи меня манил чудесный аромат жарящегося к Зимнему празднику мяса и треск поленьев в огромном камине Большого зала. Менестрель наигрывал

что-то на морской свирели, самом басовитом из народных инструментов.

Но вот я очнулась и в ужасе уставилась перед собой. Никакого Зимнего праздника или его кануна, когда люди собираются вместе, чтобы отогнать тьму, не было. Вокруг творилось нечто противоположное. Мир качался на волнах беды. Конюшня горела. Запах жарящегося мяса исходил от трупов людей и лошадей, оставшихся там. А низкие, протяжные звуки, которые показались мне зачином мелодии, были растерянными стонами людей из Ивового Леса.

Моих людей.

Я протерла глаза, силясь понять, что случилось. Руки оказались тяжелыми и бессильными, словно слепленными из теста. Кисти скрывались в непомерно больших меховых рукавицах. Или это не мои руки, а огромные звериные лапы?

Да я ли это?

Страх ударил, как кнут. А вдруг я – не я, а кто-то другой, думающий мои мысли? «Я – Би, – прошептала я. – Я – Би Видящая. Кто напал на мой дом? Как я тут очутилась?»

Я сидела, как королева на троне, в огромных открытых санях, тепло укутанная от мороза. Сани были великолепны. Две белые лошади в красной с серебром сбруе терпеливо ждали, чтобы помчать их. По обе стороны от облучка на искусно кованых крючьях, украшенных изображениями свитков, висели стеклянные фонари. Свет их падал на мягкие сиденья и изящные обводы. Я хотела провести рукой по гладкому дереву – и не смогла. Груда мехов и одеял укутывала и сковывала мое налитое сонной тяжестью тело надежнее любых веревок. Сани стояли в конце подъездной дорожки, у некогда парадного крыльца Ивового Леса. Теперь парадные двери были выломаны, дом стоял настежь.

Я тряхнула головой, силясь сбросить с разума путы. Я должна что-то сделать! Мне нужно что-то сделать, но тело такое теплое и тяжелое, как груда постиранного белья... Я не помнила, как мы вернулись в Ивовый Лес, не говоря уже о том, когда меня успели закутать в шубу и посадить в сани. Я попыталась восстановить в памяти минувший день, словно возвращаясь по своим следам в поисках оброненной перчатки. Вот я в классе с другими детьми. Вот управляющий Ревел – он